

ЛЕНА
Харт

БОСС **ОСОБОГО**
НАЗНАЧЕНИЯ,
или
БЛИЗНЕЦЫ
ПОД ЁЛОЧКУ

Лена Харт

**Босс особого назначения,
или Близнецы под ёлочку**

«Автор»

2026

Харт Л.

Босс особого назначения, или Близнецы под ёлочку / Л. Харт —
«Автор», 2026

Циничный миллионер и король сделок Арсений Крылов абсолютно уверен в своём контроле над миром, пока одно унижительное пари с отцом не вырывает его из башни Москва-Сити и не швыряет на благотворительную ярмарку, обрекая на целую неделю унижений. Изображать Деда Мороза в красной шубе с бородой из ваты! Что может быть хуже для человека с аллергией на всё человеческое и праздничное? Хуже этого предновогоднего ада... лишь его хозяйка, в которой он с ужасом узнает свою бывшую, Леру, по иронии судьбы ставшую теперь его боссом. И она явно наслаждается своей маленькой местью. А в качестве бонуса к унижению прилагаются два шестилетних сорванца с его упрямым взглядом и невыносимым характером. Сможет ли царь горы, привыкший всё покупать, «заключить» главную сделку в своей жизни, где вместо акций на кону доверие детей и сердце женщины, которую он однажды предал?

© Харт Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Лена Харт

Босс особого назначения, или Близнецы под ёлочку

Глава 1

АРСЕНИЙ

Идеальная полуденная линия, в которую смыкаются стрелки моих Patek Philippe, ставит финальную точку в сделке, превращая раскинувшийся за панорамным окном город в мою личную шахматную доску. В этой партии остался лишь один ход: жалкий клочок земли в спальном районе, парк, который я уже мысленно закатал в бетон, чтобы завершить свой флагманский проект.

Отец, сидящий напротив, улыбается. Слишком спокойно для человека, который через пять минут лишится права голоса. Он откидывается в кресле, и дорогая кожа скрипит, подобно предсмертному вздоху его влияния.

— Нервничаешь, сын? — в его голосе прорезается та самая сталь с ироничной позолотой, которая с детства скребла по моим нервам.

— Констатирую факты, отец. Твой протеже из совета директоров сейчас нажмёт нужную кнопку. В этой шахматной партии тебе поставлен мат.

Он медленно опускает подбородок, лениво разглядывая свои идеальные оксфорды.

— Шахматы... Возможно. Только ты почему-то решил, что играешь со мной...

В динамике конференц-связи раздаётся щелчок. И ставленник отца сухим голосом произносит: «Я воздержусь».

Воздержусь?

Мой мир катится к чертям под оглушительный грохот пульса, забившего гудение вентиляции. Я смотрю на отца, и его безмятежная улыбка, расцветающая в полный триумф, не оставляет сомнений: он все знал, сам срежиссировал. В тот же миг я чувствую, как холодная ярость, которую я считал своим главным инструментом, предательски вонзается мне же под ребра.

— Это был наш спор, Арсений, — мягко напоминает он, поднимаясь. — Судьба сделки против одного маленького условия. Ты проиграл.

— Что ты ему пообещал? — выплёвываю. Ногти впиваются в кожу ладоней, оставляя четыре белых полумесяца.

— Напомнил о вещах, которые не имеют рыночной стоимости. О совести. Убедил его, что нельзя строить стеклянные гробы там, где дети катаются с горок.

Отец подходит к окну, упираясь руками в холодное стекло.

— Я устал смотреть, как ты превращаешься в мою худшую версию. Хочу, чтобы мои внуки... когда они появятся... видели живого человека вместо ходячего калькулятора.

При слове «внуки» внутри всё болезненно сжимается.

— Ближе к делу, — цежу, заталкивая образы обратно в склеп.

Отец поворачивается. В его глазах пляшут бесенята. Он швыряет на мой стол из чёрного мрамора красный бархатный мешок.

— Благотворительная ярмарка «Снежная сказка». Через два часа ты станешь гвоздём программы на ближайшую неделю. Даже не думай прислать двойника. Я лично приеду и проверю.

Час спустя я стою у входа в этот вертеп. Унизительный красный балахон из дешёвой синтетики колется, электризуется и пахнет пылью. Ватная борода лезет в рот и несёт запахом клея ПВА. Густой и липкий воздух облепляет легкие. В нос бьет чудовищный коктейль из имбирных пряников, мокрой хвои, жжёного сахара и детских криков. Неконтролируемая, липкая суматоха оборачивается моим персональным адом.

«Дыши, Крылов. Воспринимай это как бизнес-задачу. Твоя цель — дожить до вечера. Основной показатель эффективности — ноль привлечённого внимания», — чеканю мысленно, делая шаг за ограждение.

Видимо, у вселенной сегодня на меня аллергия.

Не успеваю сделать и второго шага, как сбоку, из-за палатки с сахарной ватой, вылетает неуправляемый белый снаряд, в котором я с опозданием узнаю огромного хаски. В следующее мгновение сильный, профессионально точный удар в ноги отправляет мой посох в одну сторону, а мешок с подарками в другую. Сам же я, с грацией мешка с картошкой, заваливаюсь на спину прямо в рыхлый сугроб.

Несколько унизительно долгих секунд лежу, глядя в серое небо. Снег набился за шиворот, тает и холодной струйкой стекает по спине. Борода съехала на ухо. Великий и ужасный Арсений Крылов, покоритель рынков, лежит поверженный посреди детского праздника. Отец бы сейчас аплодировал стоя.

Надо мной возникает тень.

— Буран, фу! Идиот лохматый! Господи, простите, пожалуйста! Вы целы?

Этот голос.

Весь шум ярмарки с детским визгом и приторной музыкой мгновенно тонет в низком, с лёгкой хрипотцой тембре, который когда-то заставлял меня задерживать дыхание, а теперь обрушивается ударом под дых, вышибая воздух и шесть лет моей возведённой обороны.

Срываю с лица бороду, мотая головой, пытаюсь избавиться от снега и наваждения.

Надо мной склоняется Лера с растрепанными каштановыми прядями, выбившимися из-под дурацкой шапки с помпоном, и раскрасневшимися от мороза щеками. В её больших, тёплых, карих глазах первоначальная тревога стремительно сменяется узнаванием, затем проступает чистый, незамутнённый ужас, а следом вспыхивает предательская искра смеха, которую она отчаянно пытается потушить.

Неудачно.

— Арсений? — шепчет она, и моё имя с её губ звучит, словно проклятье.

Она протягивает мне руку в мокрой варежке. Смотрю на её ладонь, потом на её лицо, где всё ещё пляшут смешинки. Принять её помощь означает признать поражение. Лежать в сугробе, как выброшенный на берег кит, ещё унизительнее.

Хватаюсь за её руку. В момент касания по нервам даже сквозь перчатки проходит колющий импульс, который обжигает и выдёргивает из памяти фантомное ощущение её тёплой кожи. Резко отдёргиваю руку, едва встав на ноги.

— Спасибо, — рычу, пытаюсь отряхнуть с бархатного кафтана снег, что делает его только более мокрым и жалким. Мой внутренний голос орёт: «Просто развернись и уйди. Плевать на отца, плевать на спор!»

— Это ты меня прости, — Лера наконец напускает на себя серьёзный вид. — Этот ураган на четырёх лапах... Буран, к ноге!

Огромный пёс подбегает и, виляя всем телом, тычется ей в колено мокрым носом, будто он тут совершенно ни при чём.

— Буран? Подходящее имя, — не удерживаюсь от сарказма.

— Он добрый. Просто... любит обниматься, — она с укоризной смотрит на пса, а потом снова на меня. Опять эта искорка в её глазах. — Никогда бы не подумала, что увижу тебя...

в таком амплуа. Решил разнообразить жизнь? Мир финансов уже не приносит нужной рентабельности?

Лера обводит взглядом мой костюм, и я ощущаю, как кровь приливает к лицу.

— Спор, — бросаю я. Большого она не заслуживает.

— Это многое объясняет.

Она подходит ближе и начинает деловито отряхивать мой рукав. Её пальцы случайно касаются моего запястья, и меня снова обдаёт жаром. Делаю шаг назад.

— Я в порядке.

— Конечно, — она согласно наклоняет голову, а в её голосе сквозит неприкрытая ирония.

— Все вы, мужчины, всегда в порядке. Даже когда вас только что торпедировал пёс размером с телёнка.

Она вздыхает и обводит рукой ярмарку.

— Ужасно, что всё это скоро снесут. Последний год работаем. Какой-то бездушный хмырь из Сити решил, что очередной стеклянный гроб здесь нужнее, чем детский смех. Ненавижу таких. Они думают, что всё можно измерить прибылью. Ни сердца, ни совести.

Замираю, ощущая, как накинута отцом петля затягивается с неотвратимой скоростью. Осознание, что бездушный хмырь из стеклянного гроба и есть я, обжигает изнутри. Я, стоящий перед ней в костюме доброго волшебника, оказываюсь главным злодеем её сказки, и от этого хочется истерически рассмеяться.

Лера, не дождавшись ответа, вдруг хлопает себя по лбу.

— Ой, я же совсем забыла! Я тут всем руковожу. А ты, похоже... — она смеривает меня критическим взглядом с ног до головы, потом подходит и, к моему ужасу, поправляет мне съехавшую набок бороду, похлопывая по ней с лёгкой снисходительностью, — наш Дед Мороз. У тебя по расписанию «трон». Дети заждались.

Я слишком хорошо знаю это сладкое, пьянящее чувство власти, вот только сейчас оно принадлежит не мне. Оно плещется в её глазах и сквозит в лёгком покровительственном жесте, который низводит меня до положения её ряженого подчинённого, и я не сомневаюсь, что она будет наслаждаться каждой секундой этого представления.

— Что ж, Дедушка, — она улыбается самой очаровательной и самой ядовитой улыбкой, которую я когда-либо видел, и делает лёгкий театральный полупоклон. — Раз вы снова в строю, прошу следовать за мной. Ваша публика ждёт.

Она разворачивается и идёт в сторону центральной площади, к тому самому потрёпанному трону. Я стою, оглушённый, униженный, пойманный в самый изощрённый капкан в своей жизни. Запертый в роли, которую ненавижу, перед женщиной, которую шесть лет назад жестоко бросил от страха стать уязвимым.

Что я здесь делаю? И как, черт возьми, мне отсюда выбраться?

Глава 2

АРСЕНИЙ

Лера разворачивается и ныряет в гущу наряженных елей и смеющихся лиц, оставляя после себя дразнящий аромат корицы и своё тихое торжество. Её улыбка, полная снисхождения, отпечатывается на внутренней стороне век. Мой выход. И она, чёрт бы её побрал, режиссёр этой унижительной постановки.

Челюсти сводит так, что в ушах начинает звенеть. Проглотив колючий ком ярости, подхватываю с утоптанного снега посох-костыль и мешок-гирю. Плетусь за ней к центральной площади, где уже собрались мои маленькие мучители.

Трон вблизи выглядит ещё более убогим. Дешёвый бархат вытерся до плешки, позолота облупилась, а мишура выглядит так, словно её жевал пёс. Подиум для публичной порки. Лера с невинным видом машет мне рукой в сторону этого сооружения.

— Ваше рабочее место, Дедушка. Дети заждались.

Её голос обволакивает, как патока.

С глухим стоном я забираюсь на помост. Синтетическая шуба мгновенно становится персональной парной. Под бородой всё зудит с такой силой, что хочется разодрать лицо. Передо мной уже выстроилась вереница крошечных созданий, чьи глаза горят недетской жадностью.

Следующий час сливается в один нескончаемый кошмар. Мальчишка с размазанным по щекам шоколадом требует вертолёт на радиоуправлении. Девчонка с бантами на шапке, похожими на два капустных кочана, с силой дёргает меня за бороду, проверяя надёжность крепления. Я машинально выдаю заученное «хо-хо-хо» и сую каждому в липкую ладошку по конфете, мысленно фиксируя убытки по статье «репутационный ущерб».

Наконец поток маленьких просителей иссякает. Я откидываюсь на спинку трона и прикрываю веки. Временная передышка оглушает, но сквозь пелену усталости пробивается гул собственной крови в ушах.

Этот островок спокойствия длится недолго.

Я распахиваю глаза и замечаю их. Два мальчика, которые не стоят в очереди, а медленно обходят трон по дуге, будто пара волчат, изучающих крупную дичь. За ними трусит тот самый белый хаски, который уже знакомил меня с местным сугробом. Пёс замирает в нескольких шагах и издаёт низкое, гортанное ворчание, не сводя с меня своих ледяных глаз. Он не лает, выносит официальное предупреждение.

Мальчишки на собаку ноль внимания. Один, самый юркий, с разбега запрыгивает ко мне на колени. Его вес почти не чувствуется, но само бесцеремонное вторжение заставляет меня окаменеть. От малыша пахнет снегом и яблочной пастилой. Странное, незнакомое сочетание.

— Привет, Дедушка, — выпаливает он, задрав голову. Глаза у него огромные, карие, точь-в-точь как у Леры. В них столько искренней веры, что мне делается не по себе. — А ты можешь исполнить любое-любое желание?

— Только если ты был хорошим мальчиком, — скребу горлом, выдавливая стандартный ответ.

— Мы очень хорошие! — с готовностью заверяет он. — Тогда... подари нам папу. Мама говорит, что папы — это сложно, но мы обещаем его выгуливать! Честно! И убирать за ним.

Простые детские слова бьют наотмашь. Просить папу. У меня. У человека, который считает семью самым провальным стартапом в истории человечества.

— Папу? — переспрашиваю, и из меня вырывается какой-то сип. — Это... дефицитный товар. В этом сезоне все распроданы.

Мальчик на коленях разочарованно выдыхает. В этот момент его брат-близнец, до этого молча наблюдавший со стороны, делает шаг вперёд. Лицо у него такое же, но взгляд совер-

шенно иной. Сосредоточенный. Он буквально сканирует меня, и что-то неприятно-холодное ползёт вверх по позвоночнику.

— Твоя борода липовая, — заключает он тоном, которым я обычно закрываю бесперспективные сделки. — Клеем пахнет. И здесь, — он тычет пальцем мне под подбородок, — отклеилась.

Сердце внутри замирает на мгновение, а затем срывается в бешеный ритм.

Впиваюсь взглядом в этого маленького аудитора. Он слегка щурится, и в этом прищуре, в этой убийственной дотошности, в самой манере стоять, чуть подавшись вперёд, я внезапно узнаю... своего отца. А потом, с ужасом, — себя.

Воздух в лёгких заканчивается.

Я судорожно перевожу взгляд на ребёнка у меня на коленях. На непокорный вихор, который торчит точь-в-точь как мой, сколько бы я ни пытался его усмирить. И снова на второго. На этот изгиб бровей, который я каждое утро наблюдаю в зеркале.

Не может быть. Этого не может быть. Галлюцинация. Просто перегрелся в этой проклятой шубе.

Весь многоголосый гул ярмарки сжимается в одну монотонную, давящую на уши ноту. Пространство вокруг меня будто уплотняется, и синтепоновая тюрьма выталкивает из меня остатки кислорода. Вес ребёнка на коленях вдруг становится неподъёмным, гирей, приковавшей меня к этому трону.

— Гриша! Миша! Живо ко мне!

Голос Леры выдёргивает меня из ступора. Она несётся к нам, и в её глазах на долю секунды мелькает животный ужас, прежде чем лицо превращается в холодную маску. Одним движением она заслоняет собой мальчиков.

Её тело напрягается, превращаясь в живой щит, а в глазах вспыхивает древний инстинкт матери, защищающей своё потомство от меня.

Пульс бьётся о черепную коробку, словно пытается её проломить. Пальцы впиваются в подлокотники так, что старое дерево жалобно скрипит.

— Лера. Сколько. Им. Лет?

Вопрос падает в морозный воздух, который, кажется, трескается от его тяжести, а она в ответ лишь молча смотрит в упор, и этот стальной взгляд красноречивее всякого ответа.

Но мне нужно, чтобы прозвучали цифры.

Мальчишка на моих коленях, Гриша, не чувствуя нашего напряжения, с готовностью отвечает за мать.

— Нам почти шесть! Уже совсем большие!

А второй, мой маленький клон-аналитик, уточняет с убийственной точностью, которая окончательно выбивает опору у меня из-под ног.

— Пять лет и десять месяцев.

Пять. Лет. И десять. Месяцев.

Услышанные цифры запускают в голове каскад воспоминаний, яркой вспышкой выхватывая из прошлого ту самую ночь, её лицо в призрачном свете уличного фонаря и глухой стук двери, который навсегда отрезал меня от неё.

В уме мгновенно запускается быстрый, беспощадный обратный отсчёт: пять лет и десять месяцев плюс девять месяцев на «производство» превращаются в шесть лет и семь месяцев, в тот самый август, всего за пару недель до того, как я всё разорвал.

Сходится.

Мир, который я годами строил из холодных расчётов, логики и цинизма, рассыпается в пыль. Я сижу раздавленный и уничтоженный на этом идиотском троне и смотрю на два живых, дышащих доказательства моего самого большого провала.

Сыновья.

У меня. Есть. Сыновья.

В ушах нарастает вой метели, и я цепляюсь за подлокотники, чтобы не сползти на пол с этого позорного пьедестала. Что, чёрт возьми, теперь делать человеку, который только что выяснил, что его главный жизненный принцип оказался ложью, и у этой лжи его собственные глаза?

Глава 3

ЛЕРА

Гул ярмарки, смех и музыка тонут в наступившей тишине, а весь мир сужается до пяточка перед тронем, где в двух мутных ледяных осколках, глазах Арсения, рушится его идеально выстроенная, просчитанная и бездушная вселенная.

Пять лет и десять месяцев.

Мой маленький, ничего не подозревающий сын произносит эти цифры как приговор. Я вижу, как по непроницаемому лицу Арсения пробегает дрожь, как на мгновение опадает его маска холодного контроля, и впервые за шесть лет передо мной оказывается не магнат, а просто раздавленный и поверженный мужчина.

Меня накрывает волной ледяного, мстительного торжества, того самого чувства, которое я так долго воображала в самые тёмные ночи, баюкая плачущих мальчишек и проклиная его мир из стекла и бетона.

С глубоким, обжигающим вдохом я втягиваю в лёгкие морозный воздух, который разгоняет по венам решимость и вытесняет всякое желание быть жертвой, потому что сегодня режиссёром этого балагана буду я.

— Миша, Гриша, — произношу ровно и твёрдо.

Сжимая руки мальчишек, я чувствую тепло их ладошек сквозь мокрые варежки, и это ощущение становится моим якорем в реальности. Они послушно идут за мной, то и дело бросая через плечо любопытные взгляды на застывшего на троне Деда Мороза, пока мой верный Буран трусит рядом, глухо порывая и не сводя с красной шубы подозрительных глаз, безосшибочно чувствуя чужака.

Оставив близнецов пить какао под присмотром подруги, я возвращаюсь, и мои шаги по утопанному снегу звучат твердо и гулко, словно отбивая ритм новообретенной власти. Паника испарилась, и запыхавшаяся хозяйка неуправляемого пса уступила место координатору ярмарки, а по восхитительной иронии судьбы, его временному боссу.

Арсений всё так же сидит на троне, но оцепенение сменилось привычной ему яростью. Он поднимается мне навстречу, и в его движениях проскальзывает прежняя хищная грация, нелепо запертая в дешёвый бархат.

— Лера, нам нужно поговорить.

— Нам не о чем говорить, Крылов. У тебя есть должностная инструкция. Выполняй.

Он делает шаг ко мне, вторгаясь в моё личное пространство. Запах его дорогого парфюма, смешанный с ароматом синтетики и мороза, ударяет в нос. Все внутри неприятно сжимается от непрошеной реакции тела. Какая же я идиотка.

— Это недоразумение. Я всё улажу.

— Недоразумение? — смеюсь ему в лицо резко и колюче. — Два пятилетних мальчика являются последствиями, Арсений, а не недоразумением. Будь добр, отнеси мешки с подарками вон к тому павильону. Они тяжёлые, физическая нагрузка пойдёт на пользу мужчине в самом расцвете сил.

Указываю на гору мешков у сцены. Он переводит взгляд с них на меня, и в его глазах мелькает презрение. Король мира не таскает мешки.

— Сколько? — бросает он, залезая во внутренний карман шубы.

Замираю, ведь это до смешного предсказуемо. Его единственный способ решать проблемы всегда сводился к простому алгоритму, заключавшемуся в том, чтобы купить молчание, откупиться от неудобств и выписать чек. И теперь он на полном серьёзе собирается оценить в пачке хрустящих купюр все мои бессонные ночи, разбитые колени, первые слова, болезни и мою бесконечную любовь.

Его рука появляется с толстыми банкнотами. Он протягивает их мне небрежно и снисходительно, словно подачку. Уголок его рта дёргается в самодовольном намёке на улыбку. Он думает, что победил.

Беру пачку, ощущая её оскорбительный вес. Затем поворачиваюсь к ближайшей группе волонтеров, с любопытством наблюдающих за нами, и поднимаю деньги над головой, привлекая всеобщее внимание.

— Ой, Дедушка Мороз, какой щедрый подарок! — выкрикиваю так, чтобы слышала вся площадь. — Только вот я, к сожалению, в этом году была очень плохой девочкой. Таким подарки не положены.

С этими словами с размаху швыряю пачку ему на грудь. Купюры веером разлетаются по снегу, оседая на расшитых валенках. Несколько волонтеров смущённо хихикают. Лицо Арсения замирает. Чистая, звонкая победа, ощутимая и постыдная для него.

— А теперь за работу, — цежу, пока он с желваками на челюстях наклоняется и собирает своё унижение с грязного снега. — Иначе я буду вынуждена сообщить вашему спонсору о неисполнении обязательств.

Развернувшись, ухожу, ощущая спиной его прожигающий взгляд. Этот взгляд меня не ранит, а только согревает.

Следующие несколько часов я превращаю его существование в персональное испытание на прочность. Он таскает мешки. Затем я ставлю его на «фото-зону». Маленькая девочка в костюме снежинки долго и сосредоточенно ковыряет пальцем его накладной нос.

— Дедушка, а почему у тебя нос красный, как у клоуна? — пищит она.

Арсений бросает на меня взгляд, полный такого холодного яда, что я невольно ёжусь и лишь мило улыбаюсь в ответ, одобряюще кивая.

Представление достигает своей высшей точки, когда на главной арке начинает предательски мигать старая гирлянда с крупными лампами.

— Дедушка, непорядок, — с деланным беспокойством сообщая, подводя его к шаткой металлической стремянке. — Дети могут расстроиться. Почини, пожалуйста. Ты же волшебник.

— Моя специальность — сделки, а не электрика, — рычит он так тихо, чтобы слышала только я.

— Сегодня ты тот, кем я скажу, — шепчу в ответ. — Сейчас ты волшебник с барахлящей магической гирляндой. Лезь.

Крылов смотрит на гирлянду, на лестницу, на меня с откровенной ненавистью. Но молча снимает и отдаёт мне варежки, берёт у меня из рук моток изоленды и начинает карабкаться наверх. Его неуклюжие движения в тяжёлой шубе и валенках выглядят до смешного нелепо.

Я стою внизу, скрестив руки на груди, и наблюдаю. Вокруг собираются зеваки. Он добирается до нужного места и ковыряется в проводах с видом человека, который в жизни не держал ничего сложнее платиновой карты. Внезапно раздаётся сухой треск, его тело дёргается, а от красной шубы на плече поднимается тонкая струйка дыма.

По толпе прокатывается смешок.

Арсений замирает, поражённый, кажется, не столько разрядом тока, сколько публичным фиаско. Он медленно сползает по лестнице, и в этот момент слабости мой неутомимый пёс наносит финальный удар. Буран подкрадывается к нему сзади, ловко хватая зубами один из расшитых серебром валенок и с победным рыком бросается наутёк.

Это становится последней каплей.

— Ах ты ж... — ревёт Арсений, забыв про роль и приличия.

Начинается погоня. Миллиардер Арсений Крылов, в дымящемся костюме Деда Мороза, хромая на одну ногу в дорогом носке, несётся по ярмарке за моей собакой, которая радостно

скачет впереди, размахивая своей добычей. Дети визжат от восторга, принимая это за часть представления. Взрослые хохочут.

Я же спокойно и медленно достаю телефон и включаю камеру.

— Отчёт для вашего спонсора, Дедушка, — громко говорю, чтобы он услышал. — Он просил держать его в курсе ваших успехов.

Навожу объектив, нажимаю на запись и приближаю его искажённое яростью лицо, потом его ногу в одном носке, утопающую в снегу, и, наконец, счастливую морду Бурана. Кадр получается отменный.

Снимаю... и вдруг чувство триумфа испаряется. Глядя на эту жалкую, комичную фигуру, мечущуюся по снегу, я жду прилива злорадства, но вместо него меня наполняет пустота. Я так долго лелеяла эту месть, но теперь ощущаю только горечь.

Арсений больше не всемогущий монстр из моего прошлого, а просто несчастный, промокший клоун, у которого собака украла валенок. От этой мысли становится не смешно, а невыносимо тоскливо. Мои мальчики, с восторгом наблюдающие за этим «спектаклем», заслуживают в качестве отца сказочного принца. А получили... вот это.

Глава 4

АРСЕНИЙ

Побеждённый валенок снова на моей ноге, внутри противно хлюпает ледяная вода, а сам он источает запах мокрой псины, удивительно созвучный состоянию моего самоуважения. Я стою посреди галдящей толпы, пока синтетический мех дымящейся шубы липнет к влажной рубашке, и в ушах всё ещё гудит отголосок унижительного смеха.

Лера растворилась в людском потоке, но её торжествующее лицо так и стоит перед глазами. И всё же в самой глубине её взгляда на долю секунды мелькнула тень разочарования, словно она ожидала битвы с драконом, а получила лишь право пнуть дохлую мышь. Осознание того, что я её разочаровал, вливается в мозг куда болезненнее любого физического унижения.

Мне жизненно необходимо найти укромный угол, чтобы собраться с мыслями и оценить весь масштаб произошедшего крушения.

Взгляд выхватывает спасительную вывеску «Горячее какао и пряники». Мозгу срочно требуется перезагрузка, для которой необходимы тепло, уединение и ударная доза глюкозы. Прихрамывая на отсыревшую ногу, забиваюсь в самый дальний угол палатки, насквозь пропитанной корицей.

С омерзением срываю с головы шапку и колючую бороду, истерзавшую подбородок, и швыряю их на лавку. Горячий бумажный стаканчик обжигает пальцы, и этот ожог кажется единственным реальным ощущением посреди окружающего балагана.

Делаю глоток приторно-сладкой жидкости и на мгновение закрываю глаза, мысленно возвращаясь в свою настоящую реальность... неприступную крепость моего кабинета, сотканную из холодного стекла, полированной стали и абсолютного контроля.

— Дядя Дед Мороз?

Моя воображаемая цитадель из стекла и стали рассыпается от одного вопроса.

Открываю глаза и упираюсь взглядом в две маленькие фигурки у стола, которые будто нарочно преграждают мне путь к бегству. Мои... сыновья смотрят на меня без тени страха, с одним лишь чистым любопытством.

Тот, что посерьёзнее, складывает руки на груди, бессознательно копируя мой жест с совещаний, где я выслушиваю неубедительные отчёты. Его цепкий взгляд оказывается точной копией моего, и изучает он меня не как волшебника, а как подрядчика, с треском провалившегося проект. Сквозь его детские черты вдруг проступает не только моё отражение, но и призрак её серьёзности из прошлого — той самой Леры, что шесть лет назад умоляла меня определиться, кто мы друг для друга. А я ведь определился за обоих, рассчитав наш разрыв как сложную сделку с единственно верным решением. В своей холодной, безупречной правоте я оказался конченным идиотом.

— Мы провели наблюдение, — заявляет моя мини-копия с деловитостью, которая в шестилетнем ребёнке выглядит абсурдно и пугающе. — Ваша эффективность вызывает вопросы. Вас ударило током. Собака украла у вас валенок. Вы не очень похожи на всемогущего зимнего духа.

Давлюсь горячим какао, ведь слово «эффективность», мой личный критерий успеха, только что прозвучало из уст моего сына как унижительный приговор. В груди вспыхивает извращённая гордость, которую мгновенно гасит ледяной ужас при мысли о том, что он даже говорит как я.

— Бывают... производственные накладки, — хриплю, ощущая себя полным профаном.

— Накладки нужно минимизировать, — парирует Миша, не моргнув. — У нас к вам деловое предложение. Вернее, запрос на исполнение ключевого желания.

Молчу, парализованный этим мини-переговорщиком.

— Сделайте так, чтобы мама больше не плакала по ночам, — произносит он тихо.

Каждое его слово тонет в оглушительной пустоте, вытеснившей из палатки все звуки. Воздуха не хватает от одной только мысли, что все эти годы Лера плакала по ночам. Днём она меня ненавидела, а по ночам в одиночестве лила слёзы.

Одно представление её заплаканного взгляда мгновенно обесценивает всё, чего я достиг, обращая в пыль мои миллионы и башни из стекла и стали. Осознание того, что я причина её слёз, превращает меня в абсолютного банкрота, ведь впервые в жизни нет готового решения и суммы, способной всё исправить. Есть лишь тупая, всепоглощающая вина, впившаяся в грудь холодными зубьями.

Из оцепенения меня вырывает второй мальчик, Гриша. В его глазах оживает точная копия Лериного взгляда из прошлого, того самого, что я помню тёплым и смеющимся, ещё не омрачённым моим предательством.

— Ещё мы хотим настоящего снеговика! — встревает он, и в его голосе звенит надежда. — С носом-морковкой! И с ведром на голове! Мама говорит, папа бы точно смог слепить самого лучшего.

«Папа бы точно смог».

Слова мальчика бьют не менее сокрушительно, целясь прямо в остатки моего эго. Я не в силах остановить слёзы женщины, которую сломал, и не могу вернуть шесть лет, украденных у этих мальчишек. Но уж с лепкой снеговика, простой физической задачей по соединению трёх снежных шаров разного диаметра, я точно обязан справиться.

Сама мысль о снеговике, при всей её иррациональности и глупости, становится спасательным кругом. Не сумев исправить главное, я могу сделать хотя бы это. Здесь и сейчас. Доказать не им, а себе, что я не совсем безнадёжен в этом новом, страшном мире, где логика бессильна.

— Смогу, — отрезаю резче, чем следовало бы. — Показывайте, где ваш снег.

Мальчишки уводят меня за палатку на поляну, где снег лежит нетронутым, девственным полотном. Послушно иду за ними, осознавая, что мне предстоит слепить снеговика, имея в распоряжении только этот самый снег, собственные руки и стремительно тающие остатки гордости.

Решительно наклоняюсь и начинаю катать ком. Снег липкий, варежки промокают мгновенно. Пытаюсь придать ему идеальную форму, но он получается кривобоким, рыхлым.

— Больше! Его надо катать, чтобы он стал больше! — командует Гриша.

С нажимом толкаю ком вперёд. Он растёт, но становится неуправляемым. Теряю равновесие, нога в мокром валенке едет в сторону. Следующее мгновение я, как неопытный борец сумо, неуклюже заваливаюсь вперёд, пытаюсь обнять свой уродливый снежный шар.

Мир летит кувырком, и в следующую секунду я уже плашмя лежу в сугробе, а ледяная снежная крошка набивается в рот и нос, лишая ориентации. Над белой поверхностью комично возвышается лишь моя задница в красных бархатных штанах, превращая случившееся в полное и абсолютное фиаско. Хорошо, хоть поддел их под кафтан.

Я жду унижительного молчания. Или, хуже, жалости.

Вместо этого тишину пререзает залиvistый детский смех. Сначала один голос, а следом за ним тут же вплетается второй. Они хохочут так искренне и неудержимо, будто стали свидетелями самого уморительного представления в своей жизни, и в их веселье нет ни капли злой насмешки, а лишь чистая радость, вызванная моим оглушительным позором.

Какая-то заиндевшая мышца внутри меня дёргается. Я лежу в сугробе и впервые за долгие годы не чувствую ни ярости, ни унижения.

Влажное и шершавое прикосновение к щеке заставляет меня резко дёрнуться. Прямо надо мной, тяжело отдуваясь, нависает Буран, и его разноцветные глаза мгновение изучают моё лицо, прежде чем огромный пёс с довольным пыхтением принимается вылизывать его снова.

Выбираюсь из сугроба, отряхиваясь. Весь в снегу, с прилипшими к волосам листьями, я смотрю на двух хохочущих мальчишек и одну довольную собаку. Моих мальчишек. Мою, кажется, собаку.

Миша, отсмеявшись, вытирает слёзы и выносит свой окончательный вердикт, разглядывая меня с совершенно новым выражением.

— Нет, на Деда Мороза ты точно не похож, — говорит он серьёзно. — Но зато ты очень смешной.

В этом простом вердикте я слышу не оскорбление, а... принятие. Я не волшебник. Не всемогущий дух. Я даже не строитель снеговиков. Я просто смешной дядя в дурацком костюме. Отчего-то прямо сейчас этого кажется достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.